

Е. М. МИРОНОВА

РУССКАЯ ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ В КОНЦЕ 1917 г.

После октябрьских событий 1917 г. центральное ведомство МИД России целиком ушло в забастовку. Лишившийся руководства Заграничный Корпус должен был самостоятельно выработать отношение к сложившейся ситуации. В результате анализа комплекса телеграфной переписки дипломатов в статье впервые рассмотрены вопросы идеологического обоснования продолжения автономной деятельности заграничного представительства, в частности, теория двух России, большевистской и национальной. Изучены дискуссии по поводу создания, руководства и способов действия созданного в ноябре 1917 г. Совета послов, его взаимодействия с антибольшевистским движением в России.

Ключевые слова: революция, дипломатия, Совет послов, антибольшевизм.

Дипломатическая система Русского Зарубежья явление само по себе столь яркое и необычное, что за последние десятилетия, когда отечественные исследователи получили допуск к архивам русской эмиграции, получила достойное освещение в специальной литературе¹. Тема русской небольшевистской дипломатии часто присутствует и в монографиях, посвященных другим аспектам истории диаспоры в межвоенный период². Однако, как правило, историки концентрируют свое внимание на внешних событиях, на действиях дипломатов. В этом нет ничего удивительного, анализ их взглядов и концепций чрезвычайно трудоемок и требует овладения полнотой их разбросанной по разным архивам переписки, кропотливого соотнесения датировки различных телеграмм с учетом дальности нахождения той или иной миссии. Тем не менее, доступная сегодня источниковая база позволяет такую работу провести. Цель данной статьи не только уточнить реакцию дипломатов на события в Петрограде в октябре 1917 г., но проанализировать складывание основных элементов концепции создания автономной дипломатической организации. Сформированные в тот период взгляды позволили осколку государственной машины сметенного вихрем революции государства сохранить дееспособность на долгие годы, оказали существенное воздействие на идеологию антибольшевистского движения.

В статье использованы материалы дипломатической переписки представительств Белого движения из архивов Внешней политики Рос-

¹ См., напр.: Миронова. 2004. С. 89-134; Кононова. 2004 и др.

² См., напр.: Подалко. 2004; Бочарова. 2005.; Иванович. 2005; Будницкий. 2008.

сийской империи (АВПРИ), а также фонда Парижского посольства из Гуверовского института войны и мира, в микрофильмах переданного в Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ) — Ф. 10003.

События, именно события мысли, о которых пойдет речь в этой статье развивались на чрезвычайно сложном, многослойном и многогранном историческом фоне и были прямым следствием этого фона-обстановки. В один трагический узел оказались увязаны Первая мировая война и социальное брожение, вылившееся в невероятной силы взрыв двух русских революций. И то и другое будило творческую энергию, требовало самоотдачи, предъявляло человеку самый высокий счет вне зависимости от того, на какой стороне он оказался.

Министерство иностранных дел было одним из самых привилегированных, высокопрофессиональных ведомств Российской империи. Ему издавна были свойственны кастовость, строгая иерархичность, жесткая дисциплина. Все это давало повод для обвинений ведомства в косности, подавлении инициативы. Однако МИД активно реформировался в начале XX в., что обеспечило ему динамичность развития и приток в состав его чиновников новых сил. Личный состав министерства в это время формировался через обязательную сдачу экзаменов. Формально любой молодой человек, обладавший необходимым образовательным цензом, имел возможность поступить сюда на службу. В начале века этим активно пользовались представители богатых буржуазных семей. Так, в составе ведомства рядом с представителями аристократии и теми, для кого служба в МИД была неким наследственным правом, появляются Боткины, Абрикосовы, Солдатенковы. Февральская революция, сохранив старый государственный аппарат, не сделала исключения и для министерства иностранных дел. Однако Временное правительство оказало существенное воздействие на кадровый состав ведомства, заместив 4 из 6 существовавших на тот момент посольских должностей своими назначенцами. Все они были политиками, бывшими членами Думы, ранее не имевшими никакого отношения к дипломатии. Двое из них (В. А. Маклаков и Б. А. Бахметев) заняли ключевые в Русском заграничном дипломатическом корпусе посты послов в Париже и Вашингтоне. В дальнейшем они станут играть самую существенную роль, как в деятельности Корпуса, так и в антибольшевистском движении в целом. Таким образом, мы можем констатировать, что МИД России пришел к октябрю 1917 г. неоднородным по составу, хотя численно преобладали, безусловно, кадровые сотрудники, многие годы, а, часто, и не в первом поколении проработавшие в ведомстве. Чиновники министерства в основном, по-видимому, придерживались монархических

взглядов, но служили, прежде всего, российскому государству. Этим объясняется спокойная реакция учреждения на февральскую революцию. Только один представитель МИД — посланник в Копенгагене Буксгевден не захотел служить новому правительству и по идейным соображениям покинул свой пост.

Суть глобального переворота, привнесенного в жизнь страны октябрьской революцией, для дипломатов сконцентрировалась в принятом II Всероссийским съездом советов декрете о мире. Этот документ далеко и по форме, и по содержанию отходил от норм правительственных актов. Если говорить о форме, то закон, принятый народным собранием, был почему-то подписан председателем Совета народных комиссаров (т.е. правительства) Владимиром Ульяновым-Лениным. Его содержание превосходило все мыслимые допуски хорошо развитой в начале XX в. юридической науки и носило демагогически-пропагандистский характер. Рассчитан текст был на привлечение широкой малограмотной массы населения. Декрет предлагал немедленно заключить перемирие и начать подготовку «справедливого или демократического мира» без аннексий и контрибуций. «Тайную» дипломатию этот документ отменял: переговоры должны были вестись «открыто перед всем народом». Соглашения, заключенные или подтвержденные после февраля 1917 г. подлежали опубликованию. Правительство объявляло эти договоры «безусловно и немедленно отмененными» в части, направленной «к доставлению выгод и привилегий русским помещикам и капиталистам, к удержанию или увеличению аннексий великороссов»³.

В кругах профессиональных чиновников, юристов этот документ мог бы вызвать снисходительные улыбки, если бы новая власть не опиралась на силу. Для дипломатов заявленная большевиками позиция была политикой государственного и национального предательства, предательства всех жертв уже понесенных в этой самой тяжелой и кровавой войне, их тех, которые ранее вела Россия. Этот документ отбросил центральный государственный аппарат страны в оппозицию новому режиму и выдвинул МИД в авангард сопротивления. Центральное ведомство в Петрограде целиком, от высшего состава до технического персонала отказалось сотрудничать с новой властью. Оно образовало стачечный комитет и ушло в бессрочную забастовку, приняв решение известить об этом свой Заграничный Корпус, но сделать это по техническим причинам смогло не сразу. Посольствам и миссиям пришлось самим определять свою позицию. Таким образом, в сложившейся ситуации Загранич-

³ Документы. 1957. С. 11-14.

ный Корпус МИД оказался единственной структурой прежнего правительства, которая могла свободно выработать свою позицию.

Прежде всего, стоит, по-видимому, отметить, что для находившихся за рубежом сотрудников ведомства развернувшиеся в столице события стали абсолютной неожиданностью. Министр Терещенко в последних телеграммах сообщал о спокойной и благополучной ситуации в стране. Тем интереснее непосредственная реакция дипломатов на полученные из Петрограда известия.

В. А. Маклаков о произошедшем узнал от французского министра иностранных дел, явившись 26 октября 1917 г. вручить верительные грамоты. На следующий день он отправил послам в Риме и Вашингтоне, а также поверенному в делах в Лондоне под грифом «личная» телеграмму, предлагающую его видение ситуации и призывавшую выработать общую точку зрения на события в Петрограде. В целом, его позиция сводилась к трем основным положениям: 1) отказу признать новообразовавшееся правительство, «вышедшее из бунта, опирающееся на голое насилие и придерживающееся программы заведомо гибельной для России»; 2) уверенности в кратковременности успехов большевиков, и 3) вытекающем отсюда предложении отношении Корпуса к последующим правительствам основывать на анализе их программ, способа образования, состава и отношения к ним страны⁴.

Известный российский исследователь А. В. Смолин видит в «молниеносной реакции» В. А. Маклакова на события в России готовность политика к такому обороту событий. Историк находит в этом подтверждение своим предположениям о том, что коалиционное правительство направило Маклакова в Париж для подготовки создания там русского правительства в изгнании, на случай если события в Петрограде примут непредвиденный оборот⁵. Не рассматривая здесь саму гипотезу, отметим только, что другие дипломаты в ответ или параллельно с Маклаковым высказывали те же соображения, или даже шли дальше.

Ответы на телеграмму из Парижа писались непосредственно после ее получения: многие из них датированы 28 октября. Вряд ли может удивить единодушие, с каким находившиеся в разных странах чиновники МИД отнеслись к большевистскому перевороту. Но надо отметить, что, несмотря на отсутствие принципиальных противоречий с точкой зрения Маклакова, в основе их позиции лежали не правовой анализ за-

⁴ Посол поверенному в делах в Лондоне, послам в Риме и Вашингтоне б/№ // АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 1727. Л. 72; Ф. 187. Оп. 524. Д. 3537. Л. 1.

⁵ Смолин. 2005. С. 291.

конности создания нового правительства, а его конкретные действия. Судя по всему, реперной точкой для определения дипломатами своего отношения к власти большевиков стало отношение к войне. О позоре измены, которая несмываемым пятном ляжет на Россию, о мерзостях, совершающихся в Петербурге писал временный поверенный в делах России в Англии К. Д. Набоков⁶. Дипломаты, основой мировоззрения большинства которых был глубокий патриотизм, привыкшие гордиться мощью державы, которую представляли, четыре года работавшие на победу и знавшие, какие жертвы уже принесены на ее алтарь, не могли иначе отнестись к власти, которая эти идеалы предала. В целом их отношение выразилось в полном и безоговорочном неприятии нового правительства⁷ на основании того, что оно «не может ни в коем случае выражать воли русского народа»⁸; кроме того, они не могли допустить мысли, что новая власть продержится сколько-нибудь долго⁹. Оптимизм большинства не разделял посланник в Пекине князь Кудашев. Он тоже не думал, что большевики задержатся на вершинах власти, но, заглядывая дальше, считал, что: «отдельные личности могут исчезнуть, но стихийный социальный подъем низших темных классов страстно жаждущих мира и земли еще долго... будет служить благодатной почвой, на которой произойдут новые захваты власти»¹⁰.

В. А. Маклаков, известный юрист, видный член кадетской партии, прекрасный оратор не был профессиональным дипломатом, его «заграничный» опыт к описываемому моменту исчислялся днями. Видимо, поэтому, дав оценку событиям в целом, он не задумался о будущем самого Корпуса. Его обращение ставит и решает лишь один, хотя и принципиальный вопрос: отказ признать сформированное большевиками правительство. Никаких вытекающих из этого практических шагов для дипломатического ведомства он не предлагал.

⁶ Телеграмма К. Д. Набокова во все посольства и миссии от 11/24 ноября 1917 г. // Чему свидетели мы были... С. 386.

⁷ К. Н. Гулькевич К. Д. Набокову 29 октября/11 ноября 1917 № 661 // АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3537. Л. 8 об; Ф. 184. Оп. 520. Д. 1727. Л. 72; Крупенский К. Д. Набокову 31 октября/13 ноября 1917. № 490 // АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3537. Л. 17об.; Демидов К. Д. Набокову 30 октября/12 ноября 1917 г. б/№ // АВПРИ. Ф. 187. Оп. 520. Д. 3537. Л. 15 об; Соловьев К. Д. Набокову 31 октября/13 ноября 1917 г. № 304 // АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 1727. Л. 247; Ф. 187. Оп. 524. Д. 3537. Л. 16об.

⁸ Б. А. Бахметев — В. А. Маклакову, 28 октября/10 ноября 1917 г. N 668 // АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 1727. Л. 15; Ф. 187. Оп. 524. Д. 3537. Л. 4об.

⁹ Там же; *Будничкий*. 2001 С. 51.; см. также: *Набоков*. 1923. С. 168.

¹⁰ Кудашев послу 20 ноября /3 декабря 1917 г. № 743 // АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3537. Л. 75 об.

Это упущение одновременно и независимо друг от друга скорректировали сразу несколько коллег. Б. А. Бахметев, словно не заметив границы, перед которой остановился посол во Франции «горячо присоединился» к предложению об установлении согласованного образа *действий* (курсив мой — *Е. М.*) русских представителей за границей¹¹. Непосредственно после получения известий о перевороте в Петрограде, он сделал заявление для прессы о немедленном отказе состава посольства «от солидарности с временно восторжествовавшей в Петрограде политической группой»¹². Еще не имея официального подтверждения событий, произошедших в Петрограде, временный поверенный в Лондоне Набоков принял решение, что не станет передавать «великобританскому правительству какие бы то ни было инструкции, исходящие от... изменников, временно захвативших власть». В письме канцлеру Великобритании он сообщил, что если полученные из Петрограда известия подтвердятся, то он «считал бы противным чести России оставаться официальным представителем» и собирался в этом духе сделать заявление прессе¹³. Его поддержал Н. С. Этгер из Тегерана¹⁴.

Но далее всех пошло маленькое, находившееся на периферии политической жизни Европы, посольство в Дании. 28 октября (10 ноября) 1917 г., т.е. непосредственно после получения телеграммы Маклакова, оно, согласившись с предложенной концепцией недвусмысленно определило себя как представителя России, «находящейся в нерушимом союзе с державами, ведущими войну с центральным союзом» и объявило о своем решении, игнорируя политику центра, продолжать поддерживать сношения «с союзниками и нейтральными» в прежнем ключе¹⁵.

В ноте на имя государственного секретаря аналогичную позицию занял Бахметев. Он резко и бесповоротно отделил возглавляемое им представительство от большевистской власти и заявил, что считает своим долгом оставаться на посту, чтобы защищать интересы «национальной» России¹⁶. По существу эти два выступления озвучили то, что не решались

¹¹ Б. А. Бахметев К. Д. Набокову 28 октября/10 ноября 1917 г. № 668 // АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 1727. Л. 15; Ф. 187. Оп. 524. Д. 3537. Л. 4об.

¹² Бахметев послу 28 октября/10 ноября 1917 г. б/№, личная // АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3537. Л. 4об-5об.

¹³ К. Д. Набоков послу 28 октября/10 ноября 1917 г. № 915 // АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 1727. Л. 72; Ф. 187. Оп. 524. Д. 3537. Л. 2об.

¹⁴ Н. С. Этгер К. Д. Набокову, копия в Копенгаген 17/30 ноября 1917 г. № 1032 // АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 1727. Л. 63; Ф. 187. Оп. 524. Д. 3537. Л. 71об.

¹⁵ Барон Мейендорф циркулярно. 28 октября 10 ноября 1917 г. № 362 // ГАРФ. Ф. 1003. Оп. 2. К. 7; АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 1727. Л. 260.

¹⁶ Будницкий. 2001. С. 44-45.

вынести на обсуждение остальные дипломаты, но что явно присутствует в их рассуждениях в эти дни. Нет ничего удивительного в том, что слово, уже произнесенное, было единодушно поддержано разбросанными по миру русскими посольствами и миссиями. Дипломатические представительства отказались признавать реально существующую власть и продолжили работу на платформе прежнего правительства! Однако это решение вовсе не означало попытку противопоставить себе стране.

Допустимость и возможность такого решения базировалась на выдвинутой в этот период Корпусом идее двух России: России, подчиненной власти большевиков, и России, не имеющей правительства, но «истинной», «национальной», остававшейся верной всем обязательствам, лежавшим на стране до октябрьских событий. Эта мысль присутствует в высказываниях многих дипломатов, но четко впервые она была сформулирована Бахметевым. Сам термин «национальная Россия» впервые появился в его письме Маклакову от 28 октября 1917 г. Им он оперировал при общении с журналистами в Мемфисе, где его застали известия из Петрограда. Принятие этой концепции имело самые разнообразные последствия: она дала базу для строительства отношений с правительствами стран пребывания, прежде всего «союзниками», она стала той основой, вокруг которой строилось понимание самими дипломатами своего положения в новых экстремальных условиях; она дала основания для продолжения деятельности Заграничного Корпуса.

Развивая концепцию «Двух России» в этом направлении Маклаков писал: «Низвержение правительства не знаменует тем самым ни уничтожение всех изданных им актов, ни смещение всех назначенных им лиц»¹⁷. Поэтому дипломаты, чтобы уйти в отставку, сдать должность, должны обратиться к правительству. Особо отмечая, что не может быть и речи о том, чтобы Корпус не подчинился законной власти¹⁸, он подчеркивал, что легитимного правительства на тот момент не существовало, так как образованный съездом Советов СНК не был признан всей страной. Обращение к этому органу с такого рода прошениями означало бы, по его мнению, косвенное признание большевиков. И, наконец, он предложил ту формулу, которой будет пользоваться Корпус в течение всей гражданской войны и которая станет основой его автономности: «Мы представляем последнее правительство России и остаемся на по-

¹⁷ В. А. Маклаков посланнику в Сиаме 28 ноября/11 декабря 1917 г. № 1209 // АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3537. Л. 93.

¹⁸ Посол А. М. Ону 5/18 ноября 1917 г. № 1129 // АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 1727. Л. 26.

сту, пока не будет иного законного правительства»¹⁹. Но остается открытым вопрос: что понималось под «национальной» Россией, торжеству какого политического строя дипломаты собирались способствовать.

Бахметев в середине ноября совершенно четко определил свою позицию, предвосхитив денкинскую политику непредрешенчества. Он считал необходимым оставаться на «символической» национальной позиции, не определяя заранее и не конкретизируя тех форм, в которые выльется окончательная победа над большевиками»²⁰. Реакции коллег на предложение поверенного в делах в Испании Соловьева объединить деятельность дипломатических представительств вокруг лозунга нераздельной *монархической* (курсив мой — *Е. М.*) России²¹ не последовало, а сам автор в скором времени перешел на сторону советской власти.

После небольшой паузы, вызванной надеждами на скорое изменение ситуации *сотрудники* представительства в Копенгагене (именно так зафиксировано в документе — *Е. М.*) сделали следующий шаг, выступив с программным заявлением. 6 ноября 1917 г. миссия в Копенгагене предложила «возбудить вопрос о возложении на одного из начальников посольств общего руководства всеми русскими посольствами и миссиями за границей...»²². Обращения посольства в Дании были замечены. Вопрос о создании собственной независимой от центра дипломатической организации вызвал обсуждение миссий в разных странах. Большинство высказалось в пользу такого решения²³. Свое особое мнение сформулировал видный дипломат, игравший заметную роль в центральном аппарате МИД в министерство С. Д. Сазонова²⁴, а после его отставки возглавлявший посольства в Скандинавии — К. Н. Гулькевич.

¹⁹ В. А. Маклаков посланнику в Сиаме 28 ноября/ 1 декабря 1917 г. № 1209 // АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3537. Л. 93. М. Н. Гирс, оглядываясь на события только что завершеного периода в январе 1921 г. напишет: «В историческом развитии антибольшевистского движения роль эта (дипломатического ведомства — *Е. М.*) сводилась к простой формуле: быть представителями последнего русского законного признанного державами правительства...» (Чему свидетели мы были... С. 404).

²⁰ Б. А. Бахметев послу 17/30 ноября 1917 г. № 674 // АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3537. Л. 70об.

²¹ Соловьев К. Д. Набокову 20 декабря 1917/2 января 1918 г. № 385 // АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 1727. Л. 252.

²² Барон Мейендорф циркулярно. 6/19 ноября 1917 г. № 364 // ГАРФ. Ф. 1003. Оп. 2. К. 7; АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3537. Л. 29 об.

²³ См., напр.: Ону — К. Д. Набокову, Мейендорфу 10/23 ноября 1917 г. № 857; фон Бах Набокову циркулярно 30 октября –12 ноября 1917 г. № 586 // АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 1727. Л. 6, 24.

²⁴ С. Д. Сазонов — министр иностранных дел Российской империи (1910–1916).

Приветствуя проявление единодушия между сотрудниками ведомства, он, тем не менее, полагал, что заграничные учреждения МИД не должны создавать самостоятельной организации. Его беспокоила и юридическая правомерность такого решения, и практическая возможность оказаться в противоречии с волей русского народа: «Такая организация, лишенная всякой основы Правительства и оторванная происходящими событиями от родины неизбежно получит характер самодавляющей, присвоит себе право считать себя представительницей того или иного Правительства и вступит на путь декларативных постановлений»²⁵. (Гулькевич удивительно точно сформулировал то соотношение сил, которое в дальнейшем сложится между Заграничным Корпусом и антибольшевистским движением внутри страны.) Активный сторонник сплочения Заграничного Корпуса Набоков предлагал заявить в обращении к России, что «те люди, которые привлекут на свою сторону лучшие силы страны и одолеют анархию и предательство, могут быть уверены, что мы сделаем все возможное, чтобы им была обеспечена реальная поддержка союзников»²⁶. Показательно, что дипломат уже в это время не ставит вопрос о подчинении Корпуса «силе», которая возглавит сопротивление, а говорит о помощи, сотрудничестве с ней. Эта тенденция получила развитие и обрела, в некотором смысле, законченную форму в разработке Бахметева, который «не считал возможным связывать надежды на благополучный исход России из настоящего кризиса с успехом той или иной политической или военной группы, активно борющейся с большевиками, а тем более не считал возможным солидаризироваться с подобной группой посольству», полагая, что дипломатические учреждения должны оставаться на «символической» национальной позиции. Объяснял он свое отношение к событиям неопределенностью надежд на торжество военно-патриотических течений, предчувствуя «более глубокий процесс противодействия...»²⁷. То есть инженер и политик Бахметев, как и Маклаков, обладавший незначительным дипломатическим стажем сумел увидеть в Заграничном Корпусе самоценность и постарался изначально оградить его, как ретроспективно напишет в начале 1921 г. М. Н. Гирс, «самостоятельность и свободу суждения выбора и действий»²⁸.

²⁵ К. Н. Гулькевич — К. Д. Набокову и циркулярно 8/21 ноября 1917 г. № 669 // АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 1727. Л. 72; Ф. 187. Оп. 524. Д. 3537. Л. 8об.

²⁶ К. Д. Набоков В. А. Маклаков у 7/20 ноября 1917 г. // Чему свидетели мы были... С. 384.

²⁷ Б. А. Бахметев послу 17/30 ноября 1917 г. № 674 // АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3537. Л. 70об.

²⁸ Чему свидетели мы были... С. 404.

Первая половина ноября не принесла столь ожидаемых перемен. Сведения о событиях в России вообще были чрезвычайно скудны. Ясно было лишь то, что «засилие большевизма зашло так далеко, что его не удалось раздавить сразу», что придется освободиться от него сложным процессом постепенного оздоровления²⁹.

Концепция двух России была воспринята Корпусом и, вследствие его активных упреждающих действий, принята мировой дипломатией. Уже 13 ноября, предполагая заявить коллективный протест союзников против нарушения союзнических обязательств Россией, министр иностранных дел Франции Пишон обещал, что в документе будет проведено резкое различие между Россией и самозванцами, которые называют себя ее правительством³⁰. Сыграла она самую положительную роль и в процессе легитимизации представительств на новой основе. Американское правительство, после двухнедельной паузы, подтвердило дипломатический статус Бахметева, признав его истинным представителем России и отказавшись иметь дело с большевиками³¹. 11 ноября Пишон заверил Маклакова «что нет речи о признании правительства Ленина и что, не отзывая своих представителей, французское правительство будет избегать разных действий, которые могли бы дать повод думать, что оно признает правительство большевиков³². «В заявлении в палате общин, сделанном 24 ноября 1917 г. заместителем министра иностранных дел Робертом Сесилем, указывалось, что Англия не признает Советское правительство как субъект международного права»³³. За решением союзников последовали нейтральные страны: 10 ноября 1917 г. датское правительство подтвердило свою готовность поддерживать отношения со старой миссией и заявило о сохранении за ней дипломатические прерогативы³⁴. 11 ноября кн. Кудашев сообщил из Пекина, что «...Китай в вопросе признания нового правительства в России, конечно, не решится отделиться от Японии, Англии и Франции»³⁵. Первый раунд был выиг-

²⁹ В. А. Маклаков К. Д. Набокову 13/26 ноября 1917 г. № 1155 // АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 1727. Л. 167; Ф. 187. Оп. 524. Д. 3537. Л. 55.

³⁰ В. А. Маклаков К. Д. Набокову 13/26 ноября 1917 г. № 1151// АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 1727. Л. 165; Ф. 187. Оп. 524. Д. 3537. Л. 54.

³¹ Будницкий. 2001. С. 52.

³² В. А. Маклаков К. Д. Набокову 11/24 ноября 1917 г. № 1147 // АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 1727. Л. 161; Ф. 187. Оп. 524. Д. 3537. Л. 43.

³³ Волков. С. 22.

³⁴ М. Ф. Мейендорф М. Н. Гирсу от 14 апреля 1921 г. // ГА РФ. Ф. 5680. Оп. 1. Д. 47. Л. 2.

³⁵ Кудашев послу 11/24 ноября 1917 г. № 73 // АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3537. Л. 42об.

ран. Это позволило к середине декабря 1917 г. заключить между представителями соглашение «продолжать деятельность без всяких сношений с Петроградом...»³⁶. Таким образом, был решен вопрос о создании не знавшей прецедента национальной, но автономной, т.е. не подчиненной никакому правительству дипломатической организации. Роль ее, по афористичной формулировке князя Кудашева, должна была заключаться «в защите русского дела, лиц и интересов»³⁷.

Путем недолгих телеграфных переговоров была выработана и новая «революционная» для дипломатического учреждения форма: координационный «Совет» (или «Совещание послов»), не предполагавший, присущих ведомству иерархии и исполнительской дисциплины на уровне посольств, но в определенной степени сохранивший прежние порядки внутри представительств. Хотя и эту сферу не обошли стороной новые явления. Обычно по дипломатической переписке очень сложно выявить позиции чиновников учреждения. Мнения сотрудников, если они существуют и высказаны, поглощаются безличной формой документов, подписанных главой представительства. Новым явлением, вызванным критической ситуацией, когда каждый должен был и хотел заявить собственную позицию, стало неоднократно, хотя не повсеместно, встречающееся в октябре и начале ноября 1917 г. визирование телеграмм всеми сотрудниками представительства по старшинству. Так оформлено и обращение копенгагенской миссии от 28 октября, причем под документом стоят подписи также причта церкви, представителей военной, морской и торговой агентур, генерального консула... Исключительным в этом отношении явлением стал циркуляр от 6 ноября. Этот документ также подписан не только главой миссии, более того, в нарушение всех правил, не только МИД, но и любого бюрократического учреждения, его фамилия даже не стоит первой. Его опережает... прикомандированный к миссии *секретарь консульства* Владимир Александрович Лаврентьев. Лишь следом за ним идут фамилии главы миссии бар. Мейендорфа и ее чиновников: Лоевского, Урусова, Шиллинга. Видимо, революционное время захватило своим творческим порывом и все слои дипломатических служащих, серьезно затронув привычную субординацию и иерархию в ведомстве. В свою очередь, и руководство Корпуса стало проявлять определенный либерализм. Так,

³⁶ Г. Свечин К. Д. Набокову 1/14 декабря 1917 г. № 602 // Чему свидетели мы были... С. 391.

³⁷ Кудашев послу 20 ноября /3 декабря 1917 г. № 743 // АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3537. Л. 75об.

посланник России в Греции Е. П. Демидов посчитал принципиально важным запросить мнения всех без исключения своих сотрудников по поводу возможности подчинения новому правительству³⁸.

По существовавшей традиции возглавить какое-либо объединение дипломатов за рубежом должен был бы старейшина Корпуса, в данном случае — многоопытный посол в Италии М. Н. Гирс. В пользу этого предположения и высказалась часть руководителей миссий³⁹. Однако В. А. Маклаков предложил как центр сношений и координации действий Париж, и многие представительства выступили за такой вариант решения проблемы⁴⁰. Телеграммы, касающиеся этого вопроса чрезвычайно лаконичны и аргументации, как правило, не содержат. Думается, что решение большинства сотрудников ведомства пренебречь обычным порядком объяснялось чрезвычайной ситуацией. По-видимому, многих смущала репутация Гирса — пожилого карьерного дипломата, считавшегося образцом исполнительской дисциплины, и они предпочли в сложной обстановке человека, который казался более вписанным в происходившие процессы. Свою роль сыграл и географический фактор: Париж в тот период рассматривался как центр мировой политики. Со своей стороны, М. Н. Гирс поторопился загасить нарождавшийся внутри Корпуса конфликт, обратил внимание коллег на то, что обсуждаемое сообщество не предполагает создания «демонстративной» организации и руководства как такового⁴¹, и уступил формальное первенство молодому коллеге.

Не предполагавшее долгого существования объединение не стало заниматься разработкой собственного статута и определять характер членства. Можно согласиться с мнением американской исследовательницы Н. Тонгур, что формально все российские послы значились членами Сопровождающих⁴², однако, фактически активное участие в его работе принимали те главы миссий, кто в нужное время мог выехать или в силу различных обстоятельств оказался в Париже: М. Н. Гирс (Италия),

³⁸ Е. П. Демидов К. Д. Набокову 10/23 декабря № 711, В. А. Маклаков К. Д. Набокову 20 декабря/2 января 1917 г. № 716 // АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 1727. Л. 1; ГАРФ. Ф. 10003. Оп. 2. К. 3; АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 1727. Л. 3.

³⁹ Набоков. 1923. С. 187; Посланник России в Стокгольме К. Н. Гулькевич К. Д. Набокову 8/21 ноября 1917 г. № 669 // АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 1727. Л. 72.

⁴⁰ Поверенный в делах России в Испании Ю. Я. Соловьев К. Д. Набокову 7/20 ноября 1917 г.; Поверенный в делах России в Швейцарии А. М. Ону К. Д. Набокову 10/23 ноября 1917 г. № 364 // АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 1727. Л. 248, 6.

⁴¹ М. Н. Гирс В. А. Маклаков у 11 октября – 4 ноября 1917 г. № 901 // ГАРФ. Ф. 1003. Картон 86. Рулон 5.

⁴² *Tongour*. *Diplomacy in Exil: Russian Emigres in Paris, 1918–1925*. Ph.D. Dissertation, P. 37-39, 4; Цит. по: «Совершенно лично и доверительно!». 2001. С. 46-47.

К. Д. Набоков (Англия), М. А. Стахович (Испания), И. Н. Ефремов (Швейцария), Б. А. Бахметев, К. Н. Гулькевич (Швеция).

Создавая свою организацию, дипломаты, естественно не предполагали «оставаться отрезанными от всяких сношений с Россией»⁴³, искали контактов с осколками государственной власти. Но по этому вопросу, как и по многим другим вопросам, Маклаков и Набоков разошлись во мнениях. Набоков не одобрил действий парижского коллеги по налаживанию контактов с кем-либо из членов свергнутого Временного правительства. Сам он наилучшим вариантом считал через румынскую Главную квартиру связаться с продолжавшей работать и посылать время от времени радиотелеграммы «нашей» Ставкой⁴⁴ и постараться получить от Духонина достоверные сведения о состоянии фронта⁴⁵. Однако надеждам дипломатов обрести руководящий центр на родине не скоро суждено было сбыться. А вот другая проблема стояла вполне реально и требовала незамедлительной проработки. Сотрудники посольств и миссий не могли не задуматься о перспективе обращения, попыток подчинить их себе со стороны Советской власти. М. Н. Гирс изначально, еще в октябре 1917 года, ставя вопрос о возможности обращения к заграничному корпусу со стороны большевиков, предполагал не давать движения их программным указаниям⁴⁶. В том же духе, как указывалось выше, высказывался и Набоков⁴⁷. Когда вопрос (к десятым числам ноября) перешел в практическую плоскость в связи с распространением слухов о готовности Троцкого выступить с оповещением о своем вступлении в должность главы внешнеполитического ведомства РСФСР, определились нюансы в отношении к нему разных дипломатов. Не собираясь отвечать на запросы «самозванного» министра, Маклаков, тем не менее, в определенной степени ставил свою позицию в зависимость от решения французского правительства. Он не хотел оглашать в печати свое отношение к этому факту, предпочитал кулуарное решение проблемы и допускал возможность своего ухода без громких заявлений и

⁴³ К. Д. Набоков В. А. Маклаков у 7/20 ноября 1917 г. // Чему свидетели мы были... С. 384.

⁴⁴ Советник посольства в Париже кн. Кудашеву 5/18 ноября № 1128 // АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3537. Л. 25.

⁴⁵ К. Д. Набоков В. А. Маклаков у 7/20 ноября 1917 г. // Чему свидетели мы были... Кн. 2. С. 384.

⁴⁶ М. Н. Гирс послу 28 октября/11 ноября 1917 г. личная, копии в Лондон, Вашингтон // ГАРФ. Ф. 10003. Карт 86. Р. 5; АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3537. Л. 1об.

⁴⁷ К. Д. Набоков послу 28 октября/10 ноября 1917 г. № 915 // АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 1727. Л. 72; Ф. 187. Оп. 524. Д. 3537. Л. 2об.

протестов⁴⁸. В определенном смысле схожую позицию занял Набоков, который тоже не предполагал обнародовать телеграмму Троцкого, но сообщить ее частным образом правительству и продолжить *в случае его* (курсив мой — *Е. М.*) согласия свою деятельность⁴⁹. Особую позицию в этом вопросе занял Демидов. Он посчитал недопустимым поставить свое поведение в зависимость от решения союзников⁵⁰, но готов был предоставить подчиненным высказать собственное мнение⁵¹.

Так или иначе, но Троцкий опоздал. К 17/30 ноября 1917 г., когда он циркулярной телеграммой предложил русским представителям за границей принять провозглашенную II Всероссийским съездом советов политику или отстраниться от работы⁵², Заграничный дипломатический Корпус выработал общую платформу по этому вопросу. Главы российских представительств за рубежом за редким исключением на его запрос не ответили⁵³. На контакт с Наркоматом иностранных дел пошли временный поверенный в делах в Испании Ю. Я. Соловьев и поверенный в делах в Португалии барон П. Л. Унгерн-Штернберг. Ничто в их предшествующих высказываниях такого решения не предвещало. Корпус подверг их остракизму⁵⁴.

⁴⁸ Посол — русским представителям 20 ноября/3 декабря 1917 г. № 1180 // ГАРФ. Ф. 10003. Оп. 2. К. 3; АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 1727. Л. 179-182; Ф. 187. Оп. 524. Д. 3537. Л. 78-79. См. также: посол Крупенскому и в Христианино, Мадрид, Стокгольм, Берн и Копенгаген 21 ноября/4 декабря 1917 г. № 1182// АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3537. Л. 81; Он же циркулярно 23 ноября/6 декабря 1917 г. № 1195 // ГАРФ. Ф. 10003. Оп. 2. К. 3.

⁴⁹ К. Д. Набоков послу 10/23 ноября 1917 г. № 935 // АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3537. Л. 38 об.

⁵⁰ Демидов послу и циркулярно 13/26 ноября 1917 г. № 688 // АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3537. Л. 61 об.

⁵¹ Е. П. Демидов К. Д. Набокову 10/23 декабря № 711, В. А. Маклаков К. Д. Набокову 20 декабря/2 января 1917 г. № 716 // АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 1727. Л. 1; ГАРФ. Ф. 10003. Оп. 2. К. 3; АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 1727. Л. 3.

⁵² Циркулярная телеграмма Л. Д. Троцкого от 17/30 ноября 1917 г. // Совершенно лично и доверительно... С. 388.

⁵³ В. А. Маклаков циркулярно 23 ноября/6 декабря 1917 г. № 1195; М. Н. Гирс послу 26 ноября/9 декабря 1917 г. № 922 // ГАРФ. Ф. 10003. Карт 86. Р. 5; В. Н. Крупенский послу 20 ноября/3 декабря 1917 г. № 516// АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3537. Л. 81 об.; М. Ф. Мейендорф 18 ноября/1 декабря 1917 г. № 14351 // АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3537. Л. 80 об.; Кудашев послу 19 ноября/2 декабря 1917 г. № 741 // АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3537. Л. 74 об.; В. А. Маклаков К. Д. Набокову 26 ноября/9 декабря 1917 г. № 1206 (передает телеграмму Эттера № 1060), копия в Рим // АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 1727. Л. 188 и т.д.

⁵⁴ М. Ф. Мейендорф послу 3/16 декабря 1917 г. № 14524 // ГАРФ. Ф. 10003. Оп. 2. К. 7.

Дипломаты отдавали себе отчет, что их отказ от сотрудничества с новой властью при продолжении деятельности не избавит их от контактов с ее представителями. Поэтому на первом съезде послов в декабре 1917 г. проблема получила дальнейшее рассмотрение. Была согласована программа действий на случай появления курьера большевиков, в которой дипломаты постарались предусмотреть все возможные ходы противников. Миссиям предлагалось: если курьер явится в посольство, принять от него экспедицию без условий и поступить с нею в согласии с общим принципом непризнания власти большевиков; в случае предъявления курьером требования о передаче ему каких-либо пакетов или дел — отказать; если курьер не появится в посольстве, указать местному правительству, что посольство не признает за ним официального характера и слагает с себя всякую ответственность за его действия, а поскольку затронуты союзные интересы, обратить внимание соответствующего правительства на необходимость строгого наблюдения за ним.

Одновременно представителям предлагалось проводить работу, направленную на то, чтобы курьеры НКВД не допускались на территории стран⁵⁵. Ответной мерой большевистского правительства стал приказ Троцкого от 26 декабря 1917 г. об увольнении всех дипломатических представителей со своих постов «без права на пенсию и поступления на какие-либо государственные должности»⁵⁶. Дипломаты к этому моменту свой выбор уже сделали и документ этот проигнорировали.

Корпус решил продолжать свою деятельность в сложнейшей для России международной обстановке. Выработка курса, даже при существовании общих подходов к главным вызовам эпохи, не обошлась без споров, дискуссий внутри дипломатической среды. Определяющее воздействие на весь комплекс «русских» проблем, в этот период оказывал вопрос о войне. Лишенные возможности практически воздействовать на ситуацию на русских фронтах дипломаты свою роль видели в помощи правительствам стран пребывания в выработке правильной политики в отношении «русского вопроса». Прежде всего, это касалось реакции западных правительств на выход России из войны.

Исходя из того, что заявленные в декрете обещания пока оставались только словами, еще 28 октября Бахметев рекомендовал союзникам не ускорять события резкими заявлениями и не толкать «большевистский

⁵⁵ Циркуляр из Парижа, подписанный Гирсом, Стаховичем, Набоковым, Макаловым 18/31 декабря 1917 г. № 1288 // ГАРФ. Ф. 10003. Оп. 2. К. 3; то же на имя Саблина // АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 1727. Л. 225.

⁵⁶ Чему свидетели мы были... С. 389-390.

комитет» на непоправимые шаги в виде вывода России из войны⁵⁷. Позже он развил свою мысль. Он исходил из того, что большевики спекулируют на самой острой проблеме — усталости народа от войны и страстном желании ее прекращения. Поэтому, продолжая настаивать на том, что правительство Ленина «не может считаться выразителем воли русского народа», посол полагал, что его обращение к союзникам с предложением перемирия нельзя игнорировать, так как «уклонение союзников от заявлений по вопросу мира способствовало бы лишь усилению большевиков и их стремлений создавать в России враждебное к союзникам настроение». Он предлагал правительствам Антанты сформулировать «истинно демократические», предложения по вопросу войны и мира и с ними через голову большевиков обратиться непосредственно к народу. В этом послании тяжесть отказа от немедленного заключения демократического мира должна была быть перенесена с Союзников на Германию. Учитывая состояние русского общества, он считал необходимым указать, что немедленное перемирие, которое обещали большевики, нанесет непоправимый вред настойчивым стремлениям к миру⁵⁸.

Концепцию Бахметева в разных частях разделяли Стахович, Маклаков, Гирс. Стахович, пытаясь предотвратить обращение союзников с протестами по поводу нарушения союзнических обязательств к правительству большевиков, внушал французскому послу в Мадриде, что такой шаг явился бы *первым его признанием*. Независимо от Бахметева, он пришел к мысли, что союзным правительствам надо ждать обращения к ним Ленина, и, если оно последует, то, игнорируя его и через его голову, ответить русскому народу, передав ответ представителям России во всех союзных странах⁵⁹. Маклаков полагал, «что отказ союзников даже обсуждать цели войны в настоящее время мог бы дать оружие в руки большевикам, позволяя им изображать дальнейшее участие России в войне служением исключительно интересам союзников»⁶⁰. В этом направлении он работал и на межсоюзнической конференции в ноябре 1917 г., пытаясь добиться общего заявления, что Антанта приступит к пересмотру целей войны на демократической основе, как только в Рос-

⁵⁷ Бахметев послу 28 октября/ 0 ноября 1917 г. б/№, личная // АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3537. Л. 4об-5об.

⁵⁸ Б. А. Бахметев послу 17/30 ноября 1917 г. № 674 // АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3537. Л. 68об70об.

⁵⁹ М. А. Стахович К. Д. Набокову 15/28 ноября 1917 г. № 333 // АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 1727. Л. 249; АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3537. Л. 61об.

⁶⁰ В. А. Маклаков К. Д. Набокову 13/26 ноября 1917 г. № 1155 // АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 1727. Л. 167; Ф. 187. Оп. 524. Д. 3537. Л. 55.

сии появится общепризнанное правительство⁶¹. Он указывал, что если бы союзные правительства сделали бы шаг, который «разумная часть» российского общества могла бы расценить как разрыв с самой Россией, то следствием этого мог бы стать поворот в сторону Германии, с которой связались бы надежды на водворение порядка в стране⁶². Старейшина корпуса, предполагал, что лаг времени, полученный в случае отказа союзных правительств от немедленной реакции на события в Петрограде, позволит восторжествовать здоровым силам на родине⁶³. Но не все дипломаты оказались склонны к выжидательной политике⁶⁴.

Рупором тех, кто считал, что выжидать событий преступно, и требовал незамедлительных активных действий от заграничного представительства, стал К. Д. Набоков⁶⁵. Он выступил с рядом инициатив, которые вынудили его коллег раскрыть свое видение многих вопросов.

Стремясь подчеркнуть неприемлемость власти большевиков, поставить ее вне существующей мировой системы, он предлагал содействовать отзыву иностранных послов из Петрограда, впрочем, предвидя возражения, он аргументировал свою позицию опасностью насилия над ними⁶⁶. Он не сумел ввести в заблуждение Маклакова, который, усомнившись в целесообразности такого шага, указал, что «...отозвание послов будет иметь вид дипломатического разрыва и ничего не спасет, ибо насилие возможно и над поверенными в делах»⁶⁷. Он считал, что присутствие послов в столице сохранит возможность влиять на события в Петрограде, а их удаление было бы полной сдачей позиций Германии⁶⁸.

Выступил Набоков и с инициативой обращения представителей России при союзных державах от имени всех русских, находящихся в

⁶¹ Посол поверенному в делах в Лондоне, копии в Рим, Вашингтон, Токио, Мадрид 19 ноября/3 декабря 1917 г. № 1176 // ГАРФ. Ф. 10003. Оп. 2. К. 3; АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 1727. Л. 176; Ф. 187. Оп. 524. Д. 3537. Л. 74.

⁶² В. А. Маклаков К. Д. Набокову 13/26 ноября 1917 г. № 1151 // АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 1727. Л. 165; Ф. 187. Оп. 524. Д. 3537. Л. 54.

⁶³ М. Н. Гирс послу 6/19 ноября 1917 г. № 890 // АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3537. Л. 28об.

⁶⁴ К. Д. Набоков дважды, 7/20 и 11/24 ноября 1917 г. обращался к Корпусу с призывом к действию.

⁶⁵ К. Д. Набоков В. А. Маклаков у 7/20 ноября 1917 г. № 927 // Чему свидетели мы были... С. 384; см. также: *Набоков*. 1923. С. 185.

⁶⁶ К. Д. Набоков послу 13/26 ноября 1917 г. № 945 // АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3537. Л. 53об.

⁶⁷ В. А. Маклаков К. Д. Набокову 15/26 ноября 1917 г. № 1163 // АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 1727. Л. 170; Ф. 187. Оп. 524. Д. 3537. Л. 57.

⁶⁸ В. А. Маклаков К. Д. Набокову 6/19 декабря 1917 г. № 1250 // АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 1727. Л. 207.

пределах этих стран, к родине. Он предлагал призвать личный состав забастовавших министерств продолжать обструкцию изменническому режиму и заявить, что эта их позиция укрепляет веру союзников в конечное поражение клеветов Германии⁶⁹. Первоначально свои соображения он направил только Маклакову, но они получили распространение в русской дипломатической среде и стали предметом оживленного обсуждения. Получив возражения своих главных оппонентов: Маклакова и Гулькевича, Набоков обратился с циркулярной телеграммой ко всему Корпусу, считая, что «на представителях России не только при союзных державах, но и при нейтральных лежит обязанность немедленно и коллективно реагировать на измену Петрограда». Происходившие в столице события он отказывался рассматривать как «волю народа», оценивая их как «безвольное казнить предателей и такое страшное попустительство измене, которое ложится несмываемым позором на Россию»⁷⁰. Его инициатива вызвала активное обсуждение внутри Корпуса. Набокова поддержали барон Пилар из Христиании, Смирнов из Египта, барон Мейендорф из Копенгагена, Поклевский-Козел из Бухареста, Лорис-Меликов из Бангкока⁷¹.

Интересные соображения изложил поверенный в делах в Швейцарии А. М. Ону. Он видел определенную пользу коллективного протеста всей русской дипломатии и русской колонии в нейтральных и союзных странах против захвата власти в Петрограде в оказании сопротивления германской пропаганде, представлявшей завоевание власти большевиками окончательным фактом и поддержки уверенности «разумных» членов швейцарского правительства в том, что Россия лишь «на короткое время попала в руки максималистов»⁷².

⁶⁹ Чему свидетели мы были... С. 384.

⁷⁰ Беспокоило его и отношение к событиям за рубежом (в частности он приводил заявление лорда Сесила, о том, что «если единый русский народ санкционирует действия Троцкого — это поставит его вне общения с Европой»). (К. Д. Набоков во все посольства и миссии 11/24 ноября 1917 г. № 938 // Чему свидетели... С. 386).

⁷¹ А. М. Ону К. Д. Набокову 12/25 ноября 1917 г. № 1150 / АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 1727. Л. 165; Ф. 187. Оп. 524. Д. 3537. Л. 11об; Барон Пилар К. Д. Набокову 12/25 ноября 1917 г. № 532 // АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3537. Л. 51об; Ф. 184. Оп. 520. Д. 1727. Л. 53; А. А. Смирнов К. Д. Набокову 12/25 ноября 1917 № 110 // АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 1727. Л. 44; М. Ф. Мейендорф К. Д. Набокову 12/25 ноября 1917. № 365 // АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3537. Л. 50об; Ф. 184. Оп. 520. Д. 1727. Л. 263; ГАРФ. Ф. 10003. Оп. 2. К. 7; К. Д. Набоков послу 19 ноября/2 декабря 1917 г. № 958 // АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3537. Л. 76об; Лорис-Меликов послу 19 ноября/2 декабря 1917 г. № 58.

⁷² А. М. Ону К. Д. Набокову 26 ноября/9 декабря 1917 г. № 868 // АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 1727. Л. 12.

Практически в унисон Набокову возразили Маклаков и Гулькевич. Из тезиса о временном характере победы большевиков они делали выводы о вероятном образовании в России какой-нибудь коалиции и компромисса между большевиками и другими партиями (Маклаков) и считали, что лицам «облеченным свойством представителей родины, едва ли тактично и уместно поднимать за границей шумиху» вокруг большевиков (Гулькевич). Сходились они и во мнении о «нецелесообразности и несправедливости»⁷³ со стороны находившихся в безопасности зарубежных представителей обращаться с призывом к стойкости к людям, которые могли заплатить за сопротивление жизнью. Сомневались они и в практическом значении такой декларации для страны⁷⁴, расценивая ее как театральный жест, рассчитанный на дешевые лавры в будущем или имеющий цель «обелиться» перед союзными правительствами⁷⁵. Вынужденный глубже проработать аргументацию, Маклаков 13 ноября заявил о своей поддержке протестов русских людей, проживающих за границей, против большевиков, но считал, что участие в них послов неудобно⁷⁶.

Возражали и коллеги по Корпусу: «русские представители не имеют права коллективным выступлением как бы предрешать волю страны, не высказавшейся еще на Учредительном собрании» (Унгерн- Штернберг из Лиссабона)⁷⁷; «не подпишусь никогда под необъяснимым обращением никем не уполномоченных к неизвестному» (Стахович из Испании)⁷⁸; об опасности дезавуирования такого заявления отдельными русскими гражданами или группами граждан писал из Токио Крупенский⁷⁹.

Разочаровавшись в своих попытках сплотить коллег вокруг идеи протеста, за которой стоял призыв к активной борьбе всеми доступными средствами, Набоков не смирился. Собрав в посольстве находившихся в Лондоне видных представителей русских правительственных

⁷³ В. А. Маклаков К. Д. Набокову 10/23 ноября 1917 г. № 1137 // АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 1727. Л. 154; АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3537. Л. 42.

⁷⁴ В. Н. Крупенский К. Д. Набокову 14/27 ноября 1917 № 508 // АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 1727. Л. 58.

⁷⁵ К. Н. Гулькевич К. Д. Набокову 12/25 ноября № 672 // АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 1727. Л. 77-78. Под № 772 в Ф. 187. Оп. 524. Д. 3537. Л. 49 об.

⁷⁶ В. А. Маклаков К. Д. Набокову 13/26 ноября 1917 г. № 586 // АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 1727. Л. 7; Ф. 356. Оп. 1. Д. 2. Л. 59-60.

⁷⁷ П. Л. Унгерн-Штенберг послу 13/26 ноября 1917 г. № 88 // АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3537. Л. 53об.

⁷⁸ М. А. Стахович К. Д. Набокову 15/28 ноября 1917 г. № 333 // АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 1727. Л. 249; АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3537. Л. 61об.

⁷⁹ В. Н. Крупенский К. Д. Набокову 14/27 ноября 1917 № 508 // АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 1727. Л. 58.

учреждений и русской колонии, он добился принятия резолюции протеста. Однако ее текст несет на себе следы предшествовавшей критики: декларация ни к чему не призывает, она осуждает преступную политику нового правительства, в частности в отношении войны и заявляет о присоединении подписавшихся к растущему в России сопротивлению⁸⁰.

Пока дипломаты спорили о допустимости принять на себя моральное лидерство в антибольшевистской борьбе, не терявшие времени большевики предприняли решительные шаги на пути выполнения своих обещаний: были опубликованы секретные договоры, правительство приступило к переговорам с противником о заключении перемирия.

Реакция Заграничного Корпуса на действия Советского правительства обрела новое содержание. Едва узнав о происшедшем, не считав нужным с кем-либо согласовать свои действия, Бахметев подал ноту протеста американскому правительству⁸¹. Высказанную в ней позицию целиком поддержал Гирс, предложивший Маклакову подать аналогичный протест и обещавший поступить так же в Риме. Отказ посла в Париже от такого шага на этот раз не остановил старейшину дипломатического корпуса. Напротив, он считал необходимым организацию коллективной публичной акции «представителей русской дипломатии за границей». Он полагал, что такое заявление должно поддержать честь страны, и предложил Маклакову составить его текст⁸². Руководители миссий активно включились в подготовку демарша. Поклевский-Козел предложил включить в текст указание, что «в интересах России остаться верной заключенным с союзниками договорам», и на необходимость немедленного прекращения силой оружия нынешнего позора в Петрограде и Москве; о желательности объединиться в протесте с оппозиционными чиновниками центральных учреждений писал Мейендорф⁸³. Безоговорочно поддержал Гирса представитель России при Святом Престоле — Лысаковский. Телеграммой от 15 ноября он подталкивал Маклакова, к скорейшей подготовке документа⁸⁴. К мнению Гирса при-

⁸⁰ К. Д. Набоков послу 19 ноября/2 декабря 1917 г. № 959 // АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3537. Л. 77об-78об.

⁸¹ М. Н. Гирс послу 13/26 ноября 1917 г. № 914 // ГАРФ. Ф. 10003. Карт 86. Р. 5; АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3537. Л. 64об.

⁸² М. Н. Гирс — послу 14/27 ноября 1917 г. № 905 // ГАРФ. Ф. 10003. Карт 86. Р. 5; АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3537. Л. 58; АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 1727. Л. 106.

⁸³ М. Ф. Мейендорф К. Д. Набокову и циркулярно 21 ноября-3 декабря 1917 г. № 367 // ГАРФ. Ф. 1003. Оп. 2. К. 7; АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 1727. Л. 265; АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3537. Л. 86об.

⁸⁴ А. И. Лысаковский К. Д. Набокову 15/28 ноября 1917 г. № 107 // АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3537. Л. 60об; Ф. 184. Оп. 520. Д. 1727. Л. 108.

соединились Набоков Крупенский, Лорис-Меликов⁸⁵. Выразили готовность подать протесты и подали их Демидов, Бах, Поклевский⁸⁶.

Позиция посла в Париже на фоне всеобщего энтузиазма выглядит изолированной. Целый комплекс факторов диктовал ему очень осторожную, если не сказать нерешительную, политику. Свой отказ последовать примеру Бахметева Маклаков объяснял тем, что вручение им верительных грамот было отложено, и он был принят президентом республики только в частной аудиенции⁸⁷. Действительно, он пользовался положением посла не только по назначению русского правительства, но и по благоволению французских властей, что делало его поведение чрезвычайно от них зависимым. На него влияла, по-видимому, и обстановка во Франции, общество которой тяжело переживало выход России из войны, как измену союзническому долгу. Одной из важнейших задач его деятельности в этот период, о чем он неоднократно писал коллегам, было не создать новых осложнений, каких-либо затруднений принимающей стороне⁸⁸. Его аргументация отказа от коллективного протеста дипломатического корпуса в целом характеризует личную позицию посла и кадета Маклакова в этот период. Он считал, что такой демарш послов неприемлем, потому что, «во-первых, даст возможность большевикам увидеть в этом вмешательство иностранцев и натравлять на иностранцев в России», чего он, по его собственному утверждению, более всего боялся. Во-вторых, «публичное официальное выступление послов, ранее, чем открыто высказались сами правительства, при коих они аккредитованы», ему представлялось некорректным относительно этих правительств. В-третьих, свое отношение послы, по его мнению, могли высказать частным образом, «не в виде шага, который связал бы самые правительства, которым придется практически решать вопрос о признании, может быть, непредвиденных и спорных новых комбинаций»⁸⁹. Таким образом, позиция посла России

⁸⁵ К. Д. Набоков послу 14/27 декабря 1917 г. б/н; Крупенский // ГАРФ. Ф. 10003. Карт 86. Р. 5.

⁸⁶ Е. П. Демидов послу 18 ноября – 1 декабря 1917 г. № 695; Г. Г. Бах послу 18 ноября – 1 декабря 1917 г. б/№ // АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3537. Л. 73об.; Телеграмму С. А. Поклевского-Козел К. Д. Набоков передал в Париж 19 ноября – 2 декабря за № 959 // АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3537. Л. 76об.

⁸⁷ В. А. Маклаков К. Д. Набокову, копии в Рим, Вашингтон 1/14 ноября 1917 г. // АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 1727. Л. 148; АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3537. Л. 21.

⁸⁸ См., напр., Посол В. Н. Крупенскому и в Христианию, Мадрид, Стокгольм, Берн и Копенгаген 21 ноября/4 декабря 1917 г. № 1182 // АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3537. Л. 81.

⁸⁹ В. А. Маклаков К. Д. Набокову 13/26 ноября 1917 г. № 586 // АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 1727. Л. 7; Ф. 356. Оп. 1. Д. 2. Л. 59-60.

исходила из интересов скорее иностранцев, чем русских. Он неоднократно старался корректировать высказывания своих коллег, указывая, например, посланнику в Афинах Демидову на нежелательность употребления термина «узурпаторское правительство», до тех пор, пока в этом не духе не высказались власти страны пребывания⁹⁰. Сам он «тщательно избегал всяких шагов, которые толкали бы французское правительство на какие-либо связывающие его заявления, отрезающие ему путь в будущем»⁹¹. Показательно и неоднократное использование им в телеграммах местоимения «моё» в отношении французского правительства («пока не выясню, какую позицию намерено занять моё правительство»)⁹².

С другой стороны, позиция Маклакова объясняется, по-видимому, присущим русским общественным деятелям недоверием по отношению к государственному аппарату и его чиновникам. В его конкретном случае это отношение усугубилось неприветливой встречей, оказанной ему со стороны карьерных дипломатов, служивших в посольстве в Париже⁹³. Пользуясь положением посла для ведения собственной политической работы, он ревниво относился к попыткам дипломатов принять на себя организующую роль: «Всяким заявлениям и протестам против большевиков я сочувствую и содействую, но думаю, что они не должны исходить от дипломатических представителей»⁹⁴.

Итак, в ответ на предложение, прозвучавшее из Рима, Маклаков, пренебрегая исключительным характером ситуации, заявил, что «коллективность заявления подорвала бы его значение как акта должностного лица как такового в пределах его обычных отношений к правительству, при коем оно аккредитовано», в случае же коллективного обращения к публике послы, как он полагал, могли выступать лишь как частные

⁹⁰ В. А. Маклаков посланнику в Афинах 23 ноября/6 декабря 1917 г. № 1191 // ГАРФ. Ф. 10003. Оп. 2. К. 3.

⁹¹ Посол — русским представителям 20 ноября/3 декабря 1917 г. № 1180 // ГАРФ. Ф. 10003. Оп. 2. К. 3; АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 1727. Л. 179-180; Ф. 187. Оп. 524. Д. 3537. Л. 78-79. См также: Посол В. Н. Крупенскому и в Христианию, Мадрид, Стокгольм, Берн и Копенгаген 21 ноября/4 декабря 1917 г. № 1182 // АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3537.

⁹² Посол — русским представителям 20 ноября/ 3 декабря 1917 г. № 1180 // ГАРФ. Ф. 10003. Оп. 2. К. 3; АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 1727. Л. 179-182; Ф. 187. Оп. 524. Д. 3537. Л. 78-79.

⁹³ О снисходительном третировании Маклакова со стороны советника посольства Базили пишет Г. Н. Михайловский. См.: *Михайловский*. 1993. С. 329.

⁹⁴ Посол — послу в Риме, копии в Вашингтон, Токио, Лондон 19 ноября – 2 декабря 1917 г. № 1177 // ГАРФ. Ф. 10003. Карт 86. Р. 5; АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3537. Л. 75.

лица⁹⁵. Сам он посчитал необходимым передать 16 ноября 1917 г. во французский МИД следующее заявление: «Русское посольство в Париже доводит до сведения французского правительства глубокое возмущение, которое оно испытывает по поводу публикации в Петрограде секретных договоров, заключенных между Россией и ее союзниками, публикация которых представляет со стороны ее организаторов одиозное нарушение подписанных обязательств» (перевод мой — Е. М.)⁹⁶. Он телеграфировал этот текст в российские посольства и миссии, как материал для возможных аналогичных акций с их стороны⁹⁷. Действовавшая в дипломатической среде инерция дисциплины позволила ему сорвать коллективное выступление. Даже старейшина Корпуса, не изменив своей точке зрения и продолжая считать общее заявление представительств полезным, посчитал необходимым подчеркнуть полное единодушие между послами в оценке позорного разоблачения секретных документов и передал министру иностранных дел заявление «совершенно тождественное» тому, что было сделано в Париже. Еще сохраняя иллюзии относительно позиции Маклакова, он предлагал все же организовать общее выступление⁹⁸. Его поддержал Крупенский из Токио⁹⁹.

Степень лояльности Гирса не разделили другие представители России. С формой, приданной протесту послом в Париже, категорически не согласился Набоков. Он решил пойти по уже проторенному пути, придав гласности резолюцию, выработанную на собрании в посольстве ведущими деятелями русской колонии в Лондоне¹⁰⁰. Собственный текст ноты протеста выработал посланник в Греции Демидов: «Имею честь направить Вашей светлости в качестве представителя России, воюющей и связанной торжественным пактом с союзниками, свое возмущение демаршем, только что сделанным по приказу узурпаторского правительства в Петрограде по поводу заключения перемирия с армиями центральных держав». До передачи греческому правительству он разослал

⁹⁵ В. А. Маклаков циркулярно 16/29 ноября 1917 г. // Чему свидетели мы были... Кн. 2. С. 387.

⁹⁶ Приложении за № 2 к циркулярной телеграмме В. А. Маклаков а № 1168 // АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3537. Л. 58.

⁹⁷ Циркулярная телеграмма В. А. Маклаков а от 16/29 ноября 1917 г. № 1168 // Чему свидетели мы были... С. 387.

⁹⁸ М. Н. Гирс послу 13/26 ноября 1917 г. № 913; то же Набокову за № 912 // АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3537. Л. 67об; АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 1727. Л. 111.

⁹⁹ В. Н. Крупенский. 20 ноября/3 декабря 1917 г. № 515 // АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3537.

¹⁰⁰ К. Д. Набоков послу 17/30 декабря 1917 г. № 951 // ГАРФ. Ф. 10003. Карт 86. Р. 5; АВПРИ. Ф. 356. Оп. 1. Д. 2. Л. 58.

этот документ коллегам по Корпусу для оценки в плане выработки «единства действий»¹⁰¹. Маклаков, как указывалось выше, выразил сомнение в целесообразности использования термина «узурпаторское правительство». Набоков, напротив, этот текст вполне одобрил. Демидовскую редакцию он использовал для ноты, которую передал английскому правительству 23 ноября¹⁰². Самостоятельно пришло к тем же оценкам и использовало спорную характеристику в своем протесте посольство в Копенгагене¹⁰³. Изолированную позицию занял в споре о протесте Стахович, посчитавший, что такой шаг послужил бы совершенно ненужным приобщением нейтральных испанцев к внутренним делам Антанты, тем более что среди опубликованных большевиками документов ни одного договора с Мадридом не было. Он ограничился выражением коллегам по дипкорпусу в Мадриде своего негодования и сообщением для печати. Однако позиция октябриста Стаховича объясняется не столько нейтралитетом Испании (тот же нейтралитет несколько не помешал миссии в Копенгагене проводить жесткую линию), сколько сложностью его положения посла, не вручившего верительных грамот, и близкими по духу Маклакову взглядами.

В целом можно сделать вывод, что отношение к этому важнейшему для Корпуса вопросу зависело не от объективных факторов местонахождения посольства или наличия в той или иной стране сильной русской колонии, а от личных политических взглядов и темперамента глав, а иногда и сотрудников представительств.

Итак, мы проследили первые шаги дипломатов старой России на пути, который приведет их в начале 1919 г. к созданию совещания дипломатов и общественных деятелей, переименованного позднее в Русское политическое совещание, пути, который они пройдут вместе с Белыми армиями в гражданскую войну и который им предназначен судьбой в межвоенный период. Можно констатировать, что уже в этот начальный период в спорах выкристаллизовались основные положения, которые сформировали политический и организационный облик дипломатической структуры антибольшевистского движения — Зарубежной России.

Оставшись без связи с Родиной, дипломаты, работавшие за рубежом, доказали, что они отнюдь не винтики в сложной машине россий-

¹⁰¹ Е. П. Демидов К. Д. Набокову 20 ноября/3 декабря 1917 г. № 700 // АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 1727. Л. 2.

¹⁰² К. Д. Набоков послу 23 ноября/6 декабря 1917 г. № 970 // АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3537. Л. 90 об.

¹⁰³ М. Ф. Мейендорф в русское посольство в Париже и циркулярно 19 ноября – 2 декабря 1917 г. № 14362 // ГАРФ. Ф. 1003. Оп. 7.

ской государственности. Революция, вызвав переворот в умах, развязала инициативу не только «низов». Представительства России проявили готовность к самостоятельной, творчески созидательной деятельности.

Уже в конце октября дипломаты совершили первый «переворот» в сознании и в своих действиях. Миссии быстро наладили контакты между собой, сначала обмениваясь мнениями по поводу произошедшего и сразу вслед затем самостоятельно выработав общую позицию и образ действий на ближайшее будущее. Помимо того, что надо было определить линию поведения в экстремальных обстоятельствах, под нее надо было подвести теоретические основания. Дипломатический Корпус уже в этот период выработал теорию двух России, противопоставив России большевистской Россию национальную. Тогда же в дипломатической переписке впервые прозвучала идея непредрешенчества.

С самого начала, с отказа признать правительство большевиков Заграничный Корпус, как единственный продолжавший свободно действовать осколок старой государственной структуры занял не свойственное дипломатическим учреждениям положение. Дипломаты создали единое русское небольшевистское «поле» за границей, на тот момент единственный организованный центр противодействия большевикам. Уже в этот период свои отношения с центрами антисоветской борьбы они предполагали строить не иначе как партнерские. Этот подход позволил Заграничному Корпусу старого МИД пережить все перипетии гражданской войны в России, а по ее окончании продолжить защищать интересы русских эмигрантов.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Бочарова З. С.* «...не принявшие иного подданства». Проблемы социально-правовой адаптации российской эмиграции. СПб.: Нестор, 2005. С. 121-122, 186-192, 201-226 и др.
- Будницкий О. В.* Деньги русской эмиграции: Колчаковское золото 1918–1957. М.: Новое литературное обозрение, 2008. С. 160-321.
- Будницкий О. В.* Послы несуществующей страны // «Совершенно лично и доверительно!» Б. А. Бахметев — В. А. Маклаков. Переписка 1919–1951. В 3-х тт. М.-Стенфорд. 2001. Т. 1. С. 1-115.
- Волков Ф. Д.* Тайны Уайтхолла и Даунинг-стрит. М., 1980. С. 22.
- Документы внешней политики Советского Союза: В 24 т. Т. 1. М.: Госполитиздат, 1957. С. 11-44.
- Йованович М.* Русская эмиграция на Балканах 1920–1940. М.: Русский путь, 2005. С. 23-45 и др.
- Кононова М. М.* Русские дипломатические представительства в эмиграции (1917–1925). М.: ИВИ РАН, 2004.

- Листиков С. В.* Мир без России: Представительство Белого движения на Парижской конференции // Вестник МГИМО-Университета, 2009. № 1. С. 15-29.
- Листиков С. В.* Президент В. Вильсон, русские небольшевицкие силы и конференция на Принцевых островах // Американский ежегодник 2007. М.: Наука, 2009. С. 260-286.
- Материалы дипломатической переписки представительств Белого движения // АВПРИ. Ф. 184, 187.
- Материалы дипломатической переписки представительств Белого движения фонда Парижского посольства из Гуверовского института войны и мира, в микрофильмах переданного в Государственный архив Российской Федерации // ГАРФ. Ф. 10003.
- Миронова Е. М.* Дипломатические представительства Белой России в эпоху революций, Гражданской войны и эмиграции // Диаспора. Новые материалы. Т. VI. Париж-Санкт-Петербург: Athenaeum-Феникс, 2004. С. 89-134.
- Михайловский Г. Н.* Записки. Из истории российского внешнеполитического ведомства. Кн. 2. М.: Международные отношения, 1993. С. 329.
- Набоков К. Д.* Испытания дипломата. Стокгольм: Северные огни, 1923. С. 1-187.
- Подалко П. Э.* Япония в судьбах россиян. М.: Крафт+, 2004. С. 118-201.
- Смолин А. В.* Российские дипломаты за рубежом (октябрь 1917 – ноябрь 1918 г.): попытки объединения // Международные отношения в новое и новейшее время. Материалы международной научной конференции СПб., 2005. С. 288-295.
- Чему свидетели мы были... Переписка бывших царских дипломатов 1934–1940. В 2-х книгах. Кн. 2. М.: Гей, 1998.

Миронова Елена Михайловна, к.и.н., доцент, старший научный сотрудник ИВИ РАН; alena.stankina@rambler.ru.